

Научная статья

УДК 343.135

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-149-155>

EDN: <https://elibrary.ru/hcadyk>

НИОН: 2003-0059-5/25-391

MOSURED: 77/27-003-2025-05-590

Процессуальные решения в досудебном производстве в отношении недееспособного лица по уголовно-процессуальному законодательству России и некоторых стран СНГ

Андрей Альбертович Шишков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, aashishkov@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются процессуальные решения следователя, дознавателя в отношении лица, признанного в установленном порядке недееспособным. Отмечается, что уголовно-процессуальное законодательство России и некоторых стран СНГ допускает принятие процессуальных решений о признании недееспособного лица, в том числе несовершеннолетнего, подозреваемым и обвиняемым. Вместе с тем, в уголовном судопроизводстве России и некоторых стран СНГ недееспособность формально не приравнивается к невменяемости и, соответственно, не является обстоятельством, исключающим преступность деяния. При этом в уголовно-процессуальном законодательстве России и отдельных странах СНГ не употребляется термин «недееспособность», но есть и другие страны СНГ, где законодатель активно применяет это понятие. Отмечается, что при недееспособности лицо всегда имеет хроническое стойкое психическое расстройство, в отличие от невменяемости, а значит при любых обстоятельствах не может понимать значения своих действий или руководить ими, в том числе при совершении общественно-опасного деяния. Анализируются процессуальные решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования при производстве о применении принудительных мер медицинского характера. Отмечается, что в УПК Российской Федерации, в отличие от некоторых странах СНГ, основания и правовые последствия прекращения уголовного дела или уголовного преследования в отношении невменяемого недостаточно четко определены. Обращается внимание на целесообразность заимствования опыта некоторых стран СНГ о дополнении уголовно-процессуального закона России положениями о принятии процессуальных решений в отношении недееспособных и невменяемых.

Ключевые слова: недееспособный, невменяемый, обвиняемый, опекун, процессуальное решение, прекращение уголовного дела, принудительные меры медицинского характера, уголовно-процессуальное законодательство стран СНГ

Для цитирования: Шишков А. А. Процессуальные решения в досудебном производстве в отношении недееспособного лица по уголовно-процессуальному законодательству России и некоторых стран СНГ // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 149–155. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-149-155>. EDN: HCADYK.

Original article

Procedural decisions in pre-trial proceedings against an incapacitated person under the criminal procedure legislation of Russia and some CIS countries

Andrey A. Shishkov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
aashishkov@yandex.ru

Abstract. The procedural decisions of the investigator and the interrogator in relation to a person recognized as legally incompetent are considered. It is noted that the criminal procedure legislation of Russia and some CIS countries allows for the adoption of procedural decisions on the recognition of an incapable person, including a minor as a suspect and accused. At the same time, in the criminal proceedings of Russia and some CIS countries, incapacity is not formally equated with insanity and, accordingly, is not a circumstance that excludes the crime of the act. At the same time, the term «incapacity» is not used in the criminal procedure legislation of Russia and certain CIS countries, but there are other CIS countries where the legislator actively uses this concept. It is noted that in case of incapacity, a person always has a chronic persistent mental disorder, in contrast to insanity, which means that under any circumstances he cannot understand the meaning of his actions or lead them, including when committing a socially dangerous act. Procedural decisions on the termination of a criminal case or criminal prosecution in proceedings on the use of compulsory medical measures are analyzed. It is noted that in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, unlike some CIS countries, the grounds and legal consequences of the termination of a criminal case or criminal prosecution against an insane person are not clearly defined. Attention is drawn to the expediency of borrowing the experience of some CIS countries on supplementing the criminal procedure law of Russia with provisions on the adoption of procedural decisions in relation to the incapacitated and insane.

© Шишков А. А., 2025

Keywords: incompetent, insane, accused, guardian, procedural decision, termination of criminal case, compulsory medical measures, criminal procedure legislation of the CIS countries

For citation: Shishkov A. A. Procedural decisions in pre-trial proceedings against an incapacitated person under the criminal procedure legislation of Russia and some CIS countries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):149–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-149-155>. EDN: HCADYK.

Процессуальное решение — решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем в порядке, установленном уголовно-процессуальным кодексом (п. 33 ст. 5 УПК РФ). В досудебных стадиях следователь или дознаватель может принимать различные процессуальные решения. Например, о возбуждении уголовного дела, избрании меры пресечения, привлечении в качестве обвиняемого, прекращении уголовного дела и др. При этом в российском уголовно-процессуальном законе прямо не говорится о возможности принимать какие-либо процессуальные решения в отношении недееспособного лица. Более того, в российском УПК вообще не упоминается термин «недееспособность» и производные от него понятия. «Недееспособность» характерна для гражданского материального и процессуального права. Например, ст. 29 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) объясняет, что гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Соответственно, в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ) регламентируется процедура признания лица недееспособным (гл. 31). Правовыми последствиями для лица, признанного недееспособным, являются лишения его возможности своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Например, сделка, совершенная гражданином, признанного недееспособным вследствие психического расстройства, является ничтожной (ст. 171 ГК РФ). Таким образом, недееспособность — это правовое состояние физического лица, страдающего психическим расстройством, ограничивающее его в гражданских правах и лишаящее возможности создавать и исполнять гражданские обязанности. Соответственно и ответственность за совершение каких-либо действий, например, заключение сделок, он не несет. Его интересы представляет опекун.

В отличие от понятия «недееспособный», слово «опекун» в УПК РФ упоминается неоднократно. В основном это увязывается с несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, реже потерпевшим. Например, опекун в перечне законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего (п. 12 ст. 5 УПК) или лица, обеспечивающего надлежащее поведение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого при избрании меры пресечения (ст. 105 УПК РФ). Упоминаются также органы опеки, например, в нормах, регламентирующих производство о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ).

В соответствии с гражданским законодательством, опекун представляет интересы малолетних (до 14 лет) и граждан, признанных судом недееспособными вследствие психического расстройства (ст. 32 ГК РФ). И если законодатель допускает, что у несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого может быть опекун, то очевидно, что несовершеннолетний является недееспособным, поскольку малолетний не может иметь этот процессуальный статус в силу возраста, с которого наступает уголовная ответственность. А несовершеннолетний потерпевший, в отличие от подозреваемого и обвиняемого, может быть и малолетним или недееспособным.

Недееспособное лицо, как уже было сказано, по причине психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими. В этой связи существуют определенные сложности принимать процессуальные решения в отношении этих лиц. Как минимум необходимо обеспечить участие опекуна при выстраивании взаимоотношений с недееспособным. В отдельных случаях необходимо привлекать специалиста (врача-психиатра) для понимания возможности производить какие-либо следственные действия с недееспособным потерпевшим, свидетелем или другими участниками. А если подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет и страдает психическим расстройством, то при его допросе участие психолога или педагога является обязательным. В силу этих обстоятельств в литературе высказывается мнение

ние, что таких лиц не только нельзя привлекать к уголовной ответственности, но с осторожностью принимать в отношении них какие-либо процессуальные решения или действия, в том числе их допрашивать, поскольку их показания не имеют доказательственного значения [1, с. 210; 2, с. 176].

Вместе с тем, существует и противоположная точка зрения, что в отношении недееспособного несовершеннолетнего можно принимать процессуальные решения, в том числе о привлечении его в качестве обвиняемого, при условии, что по результатам судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетний будет признан вменяемым [3, с. 149]. Но многие авторы в своих работах, описывая несовершеннолетнего и его опекуна, не углубляются в этот вопрос [4, с. 11; 5].

Если согласиться с мнением о возможности привлечения в качестве обвиняемого недееспособного несовершеннолетнего, которое, собственно, основано на нормах закона, где говорится об опекуне обвиняемого, подозреваемого, кстати, и не только закона, но и в решении Пленума Верховного Суда Российской Федерации [6], где также упоминается опекун у несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого, то можно прийти к выводу, что несовершеннолетний может одновременно совмещать два правовых состояния: недееспособность и вменяемость; т. е., с одной стороны, он не может понимать значение своих действий или руководить ими (недееспособность), а с другой, — осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (вменяемость).

Недееспособность, как известно, по законодательству Российской Федерации не является обстоятельством, исключающим преступность деяния или освобождающим от уголовной ответственности, в отличие от невменяемости. Согласно ч. 1 ст. 21 УК РФ если лицо, во время совершения общественно-опасного деяния не осознавало фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или не могло руководить ими, вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики, то оно не подлежит уголовной ответственности.

Как видим, недееспособность и невменяемость — это правовые последствия для лица, страдающего психическими расстройствами. Однако, если бук-

вально следовать закону, то можно предположить, что психическое расстройство лица, признанного судом недееспособным, не позволяет ему понимать значение любых своих действий, а не только неправомερных, как это характерно для невменяемости.

Как известно, признание лица недееспособным происходит по правилам гражданского судопроизводства в порядке, предусмотренном гл. 31 ГПК РФ. Обязательным условием вынесения решения о признании лица недееспособным является проведение судебно-психиатрической экспертизы. Процессуальному решению о признании лица невменяемым также предшествует судебно-психиатрическая экспертиза. Закон обязывает для установления психического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости, назначать этот вид экспертизы (ст. 196 УПК РФ). А Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, какие обстоятельства могут вызывать сомнения, но при этом не упоминает о недееспособности лица [7].

Невозможность лица понимать значение своих действий или руководить ими принимается по итогам судебного разбирательства, где участвуют многие лица (сам гражданин, если нет опасности для его жизни и здоровья или для окружающих, прокурор, представители органа опеки и попечительства) и процессуально оформляется решением суда. Решение же о невменяемости лица принимается не всегда в результате судебного разбирательства. Если характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного вреда, то следователь, по окончании производства о применении принудительных мер медицинского характера, самостоятельно принимает решение о прекращении уголовного дела; т. е. именно следователь единолично признает лицо невменяемым. И это показывает, что невменяемость может быть признана, в отличие от недееспособности, в более упрощенном порядке.

Сформулируем промежуточный вывод. И так, при наличии общих признаков правовых состояний человека: недееспособность и невменяемость, имеются и различия. Во-первых, при недееспособности лицо всегда имеет хроническое стойкое психическое расстройство в отличие от невменяемости, где лицо может страдать временным психическим расстрой-

ством, продолжающееся определенный срок (относительно быстро) и заканчивается выздоровлением (например, белая горячка, патологический эффект, реактивные состояния психики, вызванные тяжелыми душевными переживаниями) или иными болезненными состояниями психики, которые не являются психическими заболеваниями, но тем не менее, также сопровождаются нарушениями психики (могут наблюдаться при травмах головного мозга, опухлях мозга, брюшном тифе и других заболеваниях) [8, с. 54].

Во-вторых, недееспособность — это оценка возможности лицом понимать значение своих действий или руководить ими в будущем. Суд, принимая решение о признании лица недееспособным, исходит из того, что лицо в какой-то перспективе (минимум шесть месяцев) не сможет понимать значение своих действий и руководить ими. Невменяемость же — оценка прошедшего события. Суд или следователь отвечает на вопрос: могло ли лицо понимать свое противоправное поведение или руководить своими действиями.

Исходя из сказанного, можно предположить, что поскольку недееспособное лицо, по мнению суда, не понимает и не будет какое-то время понимать значение любых своих действий или не сможет ими руководить, то если в этот период оно совершит общественно-опасное деяние, то оно по-прежнему не сможет осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

В таких случаях возникает вопрос: какие процессуальные решения в досудебном производстве можно принимать в отношении недееспособного лица, о котором имеются сведения о совершении им общественно-опасного деяния, но еще нет заключения судебно-психиатрической экспертизы о признании его невменяемым или, напротив, вменяемым. Если исходить из положений УПК РФ, то производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке, а это значит любые процессуальные решения в отношении недееспособного лица, в том числе и меры пресечения, можно принимать. И только после выводов эксперта о том, что лицо в момент совершения общественно-опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, производство по уголовному делу будет осуществляться по правилам гл. 51 УПК РФ с особенностями принятия процессуальных решений. Возникает вопрос: нужно ли ожидать выводов эксперта в рамках уголовного процесса о невменяемо-

сти лица, чтобы сформировать внутреннее убеждение у следователя о необходимости отказа от общего порядка производства по уголовному делу и начале производства о применении принудительных мер медицинского характера. Может быть достаточно уже имеющихся в уголовном деле сведений о личности недееспособного и его неспособности понимать значение своих действий или руководить ими, например, решение суда о признании его недееспособным, справки из различных медицинских организаций, в том числе психиатрических, показаний и объяснений свидетелей, опекуна и других лиц, для принятия решения об особом порядке досудебного производства. К тому же, необходимо учитывать институт преюдиции, освобождающий следователя от необходимости дополнительной проверки того факта, что лицо не способно понимать значение своих действий или руководить ими в силу психического расстройства.

Закон прямо говорит об освобождении следователя, дознавателя от дополнительной проверки обстоятельств, установленных вступившим в законную силу решением в рамках гражданского судопроизводства (ст. 90 УПК). Следовательно, решение о признании лица недееспособным до тех пор, пока не принято иное решение суда о признании этого лица вновь дееспособным, доказывает, что лицо не понимает значения своих действий или не может ими руководить. Необходимость признания преюдициального значения судебного решения, отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, направлено на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов и впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства [9]. Таким образом, можно предположить, что следователю, доказывая обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния (п. 5 ч. 1 ст. 173 УПК), необходимо, а возможно и достаточно, приобщить к материалам уголовного дела решение суда о признании лица, совершившего общественно-опасное деяние, недееспособным. Если признать решение суда о недееспособности лица достаточным, то вполне правомерно можно рассмотреть вопрос о принятии решения о прекращении уголовного дела, например, по основанию, указанному в п. 1 ч. 1 ст. 439 УПК [10, с. 106].

Правда законодатель не совсем четко определил порядок и правовые последствия прекращения уголовного дела при отсутствии основания для направления уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера.

В законе сказано, что по окончании предварительного следствия следователь выносит постановление о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24 и 27 УПК, а также в случаях, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда (п. 1 ч. 1 ст. 439 УПК).

Из указанной нормы следует, что основания прекращения уголовного дела разделены союзом «а также» на два самостоятельных вида. К первому относятся основания, предусмотренные в ст. 24 и 27 УПК, так называемые общие основания. А ко второму, — отсутствие опасности деяния и лица, его совершившего, для него самого и общества. Союз «а также» можно воспринимать с точки зрения семантики как самостоятельность смысла по отношению к уже сказанному явлению, событию, но при этом имеющие общие признаки с перечисленным в одном предложении.

Порядок прекращения уголовных дел по так называемым общим основаниям (ст. 24–27 гл. 29 УПК) не упоминает о специальном основании освобождения от уголовной ответственности или исключаящем уголовную ответственность невменяемого. Законодатель не пояснил, данное основание является реабилитирующим или нереабилитирующим. Требуется ли согласие невменяемого или его опекуна на прекращение уголовного дела. В литературе отмечается, что действительно существует пробел в законодательстве относительно прекращения уголовного дела в отношении невменяемого и высказывается мнение, что данное специальное основание должно быть законодателем отнесено к нереабилитирующим, а значит необходимо получать согласие либо от невменяемого (что маловероятно), либо от его представителя [11, с. 416].

В уголовно-процессуальном законодательстве некоторых государств – участников Содружества Независимых Государств (далее — страны СНГ) вопрос о процессуальном решении в досудебном производстве в отношении лица, совершившего деяние

и не осознававшего его характер и общественную опасность, законодателем решен более определенно.

Например, УПК Республики Казахстан (УПК РК) одним из обстоятельств, исключающих производство по делу, называет совершение лицом запрещенного уголовным законом деяния в состоянии невменяемости, кроме случаев, когда производство по делу необходимо для применения принудительной меры медицинского характера (п. 9 ч. 1 ст. 35 УПК РК). Обнаружив эти обстоятельства орган уголовного преследования выносит на любой стадии досудебного производства постановление о прекращении уголовного дела (ч. 6 ст. 35 УПК РК). В УПК Республики Азербайджан (УПК РАз) также одним из обстоятельств, исключающим уголовное преследование, является совершение лицом деяния, предусмотренного уголовным законом в состоянии невменяемости (за исключением случаев, когда к данным лицам применяются принудительные меры медицинского характера) (п. 10 ч. 1 ст. 39 УПК РАз). При таких обстоятельствах уголовное преследование не возбуждается, а возбужденное подлежит прекращению на любом этапе досудебного производства (ч. 1 ст. 41 УПК РАз). Отличие от нашего, российского правопорядка, состоит в том, что следователь вправе принять такое решение только на этапе окончания предварительного следствия. В УПК Республики Беларусь, также как в Российской Федерации, такое право у следателя появляется при окончании предварительного следствия (ч. 1 ст. 444 УПК РБ). Также отметим, что и казахский и азербайджанский законодатель определился и с правовыми последствиями для невменяемого, не включив это основание прекращения уголовного дела в список реабилитирующих оснований (ч. 1 ст. 37 УПК РК; ст. 42 УПК РАз).

Выше уже было сказано, что российский законодатель не упоминает в УПК термин «недееспособный». Также не найти этого понятия и в УПК Республики Беларусь, и УПК Республики Казахстан. Напротив, УПК Республики Узбекистан (УПК Узб), УПК Республики Азербайджан прямо говорят о недееспособности как об основании привлечения законного представителя к участию в деле для отстаивания прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, если их недееспособность признана в установленном порядке (ст. 60 УПК РУзб; ст. 101 УПК РАз). А законодатель Республики Армении в этом направлении еще дальше про-

двинулся и говорит о недееспособности лица не только как обязанности участия законного представителя подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца (ст. 76 УПК РФ), но как об обязательном участии защитника, если подозреваемый или обвиняемый недееспособны (п 9 ч. 1 ст. 69 УПК РФ). При этом надо иметь в виду, что законодатель Армении не отождествляет недееспособность и невменяемость, как это может показаться на первый взгляд. Достаточно посмотреть иные положения УПК, в которых говорится о лице, совершившем запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, которому, также как и недееспособному, обязательно назначается защитник (п. 8 ч. 1 ст. 69 УПК РФ), а кроме того есть самостоятельная глава, как впрочем и в иных странах СНГ (например, в России), о порядке производства по применению принудительных мер медицинского характера к невменяемым (гл. 52 УПК РФ). Но что любопытно, законодатель Армении, регламентируя это производство, обязывает следователя или прокурора принимать решение о признании лица, в отношении которого возбуждено производство по применению принудительных мер медицинского характера, еще и недееспособным, если он не может из-за своего психического состояния участвовать в производстве по делу, составляя об этом протокол и направляя его в судье (ч. 4 ст. 451 УПК РФ). Иными словами, если психическое состояние невменяемого ухудшилось, то необходимо признать его еще и недееспособным. Тем самым подчеркивая, что недееспособность и невменяемость с точки зрения возможности понимать ими значение своих действий и руководить ими не совпадают.

Итак, подведем итоги. Во-первых, законодатель России и некоторых стран СНГ допускает принятие процессуальных решений о признании недееспособного лица, в том числе несовершеннолетнего, не только подозреваемым, но и обвиняемым. Во-вторых, в уголовном судопроизводстве России и некоторых стран СНГ недееспособность формально не приравнивается к невменяемости и, соответственно, не является обстоятельством, исключающим преступность деяния. В-третьих, в уголовно-процессуальном законодательстве России и отдельных странах СНГ не употребляется термин «недееспособность», но есть и другие страны СНГ, где законодатель активно применяет это понятие. В-четвертых, при недееспособно-

сти лицо всегда имеет хроническое стойкое психическое расстройство, в отличие от невменяемости, а значит при любых обстоятельствах не может понимать значения своих действий или руководить ими, в том числе при совершении общественно-опасного деяния. В-пятых, в УПК Российской Федерации, в отличие от некоторых стран СНГ, основания и правовые последствия прекращения уголовного дела или уголовного преследования в отношении невменяемого недостаточно четко определены. В-шестых, целесообразно рассмотреть вопрос о заимствовании опыта некоторых стран СНГ о дополнении уголовно-процессуального закона России положениями о принятии процессуальных решений в отношении недееспособных и невменяемых.

Список источников

1. Плотникова Э. Д. Проблемы допроса недееспособного лица в уголовном процессе // Государство, общество и политика: экономические, правовые и социальные аспекты: сб. науч. тр. по мат. I междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. С. 206–211.
2. Татьяна Л. Г., Бычков А. Н. Некоторые вопросы получения информации от лиц, признанных невменяемыми или недееспособными // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 13. С. 174–176.
3. Потехина Е. А. Присмотр за несовершеннолетними подозреваемыми или обвиняемыми как мера пресечения и ее применение следователями органов внутренних дел: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
4. Ерофеева В. А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в уголовном судопроизводстве: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. М., 2018.
5. Тучина О. А. Меры пресечения, не связанные с изоляцией от общества, в отношении несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых: моногр. М. : Юрлитинформ, 2026.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 7.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова). М. : Юриспруденция, 2015.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Собрание законодательства Российской Федерации». 2012. № 2. Ст. 398.

10. Шишков А. А. Кто присматривает за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым // Современное право. 2007. С. 102–107.

11. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: моногр. / Е. К. Антонович, Т. Ю. Вилкова, Л. М. Володина и др.; отв. ред. Л. Н. Масленикова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма ; Инфра-М, 2022.

References

1. Plotnikova E. D. Problems of interrogating an incapacitated person in criminal proceedings // State, society and politics: economic, legal and social aspects: Coll. of scientific works on mat. 1st international scientific and practical conf. St. Petersburg : Scientific and Publishing Center «Open Knowledge», 2017. P. 206–211.

2. Tatyana L. G., Bychkov A. N. Some issues of obtaining information from persons recognized as insane or incompetent // Bulletin of the South Ural State University. 2006. No. 13. P. 174–176.

3. Potekhina E. A. Supervision of minor suspects or accused as a preventive measure and its application by

investigators of internal affairs bodies: diss. ... candidate of legal sciences. St. Petersburg, 2006.

4. Erofeeva V. A. Supervision of a Minor Suspect Accused in Criminal Proceedings: abstract diss. ... candidate of legal sciences. M., 2018.

5. Tuchina O. A. Preventive Measures Not Involving Isolation from Society for Minor Accused and Suspected Persons: Monograph. M. : Yurlitinform, 2026.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 1, 2011, No. 1 «On the Judicial Practice of Applying Legislation Regulating the Specifics of Criminal Liability and Punishment of Minors» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. No. 4.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 7, 2011 No. 6 (as amended on March 3, 2015) «On the Practice of Applying Compulsory Medical Measures by Courts» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. No. 7.

8. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. 3rd ed., revised and supplemented / edited by S. V. Dyakov, N. G. Kadnikov). M. : Jurisprudence, 2015.

9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 21, 2011 No. 30-P «In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 90 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens V.D. Vlasenko and E.A. Vlasenko» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 2. Art. 398.

10. Shishkov A. A. Who Looks After a Minor Suspect or Accused // Modern Law. 2007. P. 102–107.

11. Proof and Decision-Making in Adversarial Criminal Proceedings: monograph / E. K. Antonovich, T. Yu. Vilkova, L. M. Volodina, et al.; ed. by L. N. Maslennikova. 2nd ed., revised and enlarged. M. : Norma ; Infra-M, 2022.

Информация об авторе

А. А. Шишков — профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Shishkov — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.
The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.